

муртского происхождения, то как объяснить проживание «чувашей» в тех частях уезда, которые входили в состав этнической территории марийцев (зона Галицкой и Алатской «дорог» Казанского уезда)?

Какие же основные выводы можно извлечь из проведенного анализа? Они сводятся к следующему.

1. Высказанные до сих пор гипотезы об этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского уезда XVI — середины XVII в. аргументированы явно неудовлетворительно.

2. Создается впечатление, что этот вопрос вообще не может быть решен лишь на основе русских письменных источников. К нему следует подойти комплексно, привлекая археологические материалы периода Казанского ханства, данные диалектологии, эпиграфики, топонимики, этнографии, генеалогии и др. Нельзя в то же время считать исчерпанными и возможности использования письменных источников.

3. В качестве ближайших можно выдвинуть две задачи: проведение картографирования исторического расселения «ясачных чувашей» с целью уточнения их локализации в Среднем Поволжье (особое внимание при этом должно быть обращено на определение границ между «чувашиами» и «черемисами» на правобережье Волги) и дальнейшее изучение истории появления этнонима «чуваши». При этом необходимо иметь в виду, что в русских документах XVI — первой половины XVII в. этим наименованием обозначалась большая группа явно тюркоязычного, а на территории Казанского уезда — и мусульманского населения.

4. Необходимо уделить внимание общетеоретическим вопросам, связанным с определением грани между завершением этапа этногенеза современных народов Среднего Поволжья и началом их этнической истории. Некоторые сложившиеся на этот счет представления явно не выдерживают критики. Так, более чем двухвековой спор сторонников булгарского и золотоордынского («татарского») происхождения татарского народа остается во многом бесплодным, поскольку не изучен важнейший вопрос об этническом самосознании татар Волго-Уральского региона в XVI — начале XVII в. и его последующей эволюции в XVII — середине XIX в. Некоторые исследователи при этом находят под гипнозом сформировавшегося у татар на стадии их сложения в нацию самосознания и соответствующего «татарского» самоназвания. Между тем ясно, что если представители нации получили по ряду причин (кстати, тоже требующих своего изучения)⁵⁰ наименование «татары», это еще не основание начинать этническую историю татар с XV—XVI вв. Короче говоря, еще никем не доказано, что именно XV—XVI вв. были той «критической точкой», после которой в результате завершения этногенеза татарского народа началась его этническая история.

⁵⁰ См. одну из последних публикаций на эту тему: Халиков А. Х. О происхождении, этимологии и распространении имени «татары» в Среднем Поволжье и Приуралье//К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 28—31.

Е. А. Оборотова

НАРОДЫ СЕВЕРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВЗГЛЯДЫ И ПОЗИЦИИ

В 1987 г. в нашей стране вышел в свет ряд крупных работ, посвященных проблемам Севера в эпоху интенсивного промышленного освоения. Они отражают возросший интерес представителей различных научных дисциплин к этой тематике, а также наметившуюся в советском североведении тенденцию комплексного подхода к исследованию образа жизни народов Севера.

К их числу следует отнести сборник «Проблемы современного социального развития народностей Севера» (Новосибирск, 1987) и монографию В. И. Бойко и Ю. В. Попкова «Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме» (Новосибирск, 1987). Обе книги подготовлены в рамках целевой комплексной программы «Социальное и экономическое развитие народностей Севера», реализуемой региональной межведомственной комиссией СО АН СССР, СО АМН СССР и СО ВАСХНИЛ по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера. Институтом этнографии АН СССР выпущена монография «Этническое развитие народностей Севера в советский период» (Москва, 1987); Московским государственным университетом — сборник «Рациональное природопользование на Командорских островах» (Москва, 1987); Институтом социологических исследований АН СССР — сборник «Региональные проблемы социально-демографического развития» (Москва, 1987). Список этот можно было бы продолжить.

Интерес к будущему северных народов объясняется, с одной стороны, быстро растущими темпами промышленного освоения региона, с другой — рядом острых противоречий, сложившихся в ходе социально-экономического и этнокультурного развития его коренного населения.

Промышленное освоение Севера неизбежно ведет к отчуждению у коренного населения традиционных пастбищных и промысловых территорий и акваторий, приводит

к разрушению и загрязнению экологических систем, оскудению флоры и фауны и в конечном счете — к свертыванию традиционных хозяйственных отраслей: оленеводства, охоты и рыболовства. Эти процессы объективно способствуют деэтнизации значительных по численности этнотерриториальных групп народов Севера, изменению их расселения, разрушению прежней социальной структуры.

Система ведения северного оленеводства, охоты и рыболовства требует постоянного пребывания людей на пастбищных и промысловых угодьях, вдали от крупных населенных пунктов. Естественно, что здесь должны складываться свои специфические формы быта, социального и культурного обслуживания тружеников этих отраслей. Однако вот уже 50 лет ведется неустанная борьба за «перевод всего населения Севера на оседлый образ жизни», принявший вид искусственного стягивания населения па центральные усадьбы совхозов и колхозов.

В результате в оленеводческо-промысловых отраслях северного хозяйства естественная социальная инфраструктура оказалась разрушенной. Образовалась *очень сильная* диспропорция среди трудоспособного населения, занятого в производственной и непроизводственной сферах. Узкая товарная ориентация сельского хозяйства привела к тому, что северные поселки стали полностью зависеть от привозных продуктов, в то время как их собственная продовольственная продукция реализуется в госпоставках.

Система воспитания в интернатах детей северных народностей, частично введенная еще в 1930-е годы, чтобы повысить образовательный уровень коренного населения, превратилась сейчас в систему «закрытой школы». По общему мнению, она выпускает в жизнь социально пассивных, иждивенчески настроенных людей.

Образовался психологический и языковой разрыв между старшими и младшими поколениями. Утеряна значительная часть полезной трудовой информации; забывается традиционный опыт природопользования; в результате возникла нехватка кадров для работы в традиционных отраслях, в то время как на центральных усадьбах имеется ощутимый избыток неквалифицированной рабочей силы. Поголовье оленей сейчас на Севере меньше, чем когда-либо ранее в XX в., охота и рыболовство во многом развиваются за счет приезжих энтузиастов, хозяйство народов Севера убыточно.

Очевидно, что создавшееся положение требует разработки качественно нового подхода к вопросам экономического, социального и этнокультурного развития народов Севера. Необходима выработка специальных критериев для оценки взаимоотношений народов Севера с наступающим на них индустриальным миром. Если до 1950-х годов можно было говорить об «очаговом» характере промышленности на Севере, то теперь скорее стоит вопрос об островах традиционного природопользования среди занятых или уже разрушенных промышленным освоением северных территорий.

Современное развитие ситуации на Севере вызывает обоснованную тревогу. Например, освоение газовых месторождений на п-ве Ямал, строительство там железной дороги и трубопровода практически предрешает судьбу 7 тыс. ямалских ненцев, занятых оленеводством, охотой, рыбным промыслом. В случае реализации проекта строительства ГЭС на Подкаменной Тунгуске в подобный процесс будет втянуто уже коренное население целого Эвенкийского автономного округа. Требуется оценки большого негативный опыт, накопленный в ходе промышленного освоения в последние 20—30 лет нефтяных и газовых месторождений в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах.

Книга «Проблемы современного социального развития народностей Севера» написана видными учеными и руководителями административно-хозяйственного аппарата. Она классифицирована как сборник статей, но по широте и значимости проблематики, структуре и форме изложения материала скорее представляет собой монографию. Современные экономические, социальные, этнокультурные и медицинские проблемы народов Севера рассматриваются в ней на фоне истории и перспектив промышленного освоения региона.

Наиболее отчетливо этот подход представлен в статьях А. Г. Аганбегяна «Освоение природных богатств Арктической зоны» и Л. И. Ровнина и Н. П. Волянца «Перспективы освоения минерально-сырьевых ресурсов северного региона». В них сформулирована доминирующая концепция экономического освоения, направленная на создание крупных территориально-промышленных комплексов: Средне- и Нижнеобского, Средне- и Нижнеенисейского, единой экономической системы на северо-востоке Сибири. Создание таких промышленных комплексов должно сопровождаться развитием местной топливной базы, энергетической сети, транспортных коммуникаций.

Из статей, посвященных развитию сельского и промыслового хозяйства Севера, можно выделить работы Ф. С. Донского «Обеспечение рациональной занятости народностей Севера» и В. И. Задорина «Социально-экономические проблемы оптимизации северного оленеводства». В них рассматривается один из наиболее болезненных вопросов: о происшедшем разрушении естественных социально-демографических структур производственных бригад как первичных и целостных социальных коллективов. Низкую экономическую эффективность традиционных отраслей северного хозяйства — оленеводства, охоты и рыболовства — авторы связывают именно с этим фактором.

В экономическом отношении в книге выражена устоявшаяся точка зрения на товарную ориентацию северного оленеводства, охоты и рыболовства; рассматриваются возможности дальнейшего наращивания товарного производства. Как образец новой формы хозяйствования предлагается агропромышленный комбинат по типу «Кубань», созданный в одном из районов Ставропольского края и ряде других мест на юге и в средней полосе России.

К сожалению, авторы раздела, посвященного оленеводческо-промысловому хозяйству, как и авторы статей об этнокультурном развитии народов Севера, не задались

вопросом о том, какие же территории останутся в распоряжении северных совхозов, колхозов и госпромхозов в случае реализации перспектив, изложенных в статьях о промышленном освоении региона в том же сборнике. Ведь создание территориально-промышленных комплексов на собственной топливной базе потребует разработки нефтяных месторождений в междуречье Енисея и Лены и в Аладырской впадине, а также строительства трубопроводов и транспортных коммуникаций, энергетической сети. Тогда приблизительно $\frac{3}{4}$ современных оленеводско-промысловых угодий окажутся непригодными для дальнейшего освоения традиционными видами производства народов Севера, как это уже имеет место в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах.

Раздел о путях сохранения здоровья народностей Севера посвящен в целом особенностям физиологии человека в экстремальном климате Арктики и Субарктики, необходимости создания особых для этого региона форм работы системы здравоохранения. В статье Н. С. Ягья «Социально-гигиенические проблемы здоровья населения Севера» отмечается, что северная природа в значительно большей степени подвержена вредному воздействию промышленных предприятий, чем природа средней полосы и южных районов. Соответственно и на человеческом организме эти воздействия сказываются гораздо сильнее. Однако здесь выпущено из поля зрения то обстоятельство, что не только в ареале преобладающего промышленного освоения, но и в сохраняющихся оленеводско-промысловых регионах существенно изменились экологические основы существования коренного населения Севера. Изменения эти связаны с переходом большей его части к постоянной жизни в крупных поселках, освоением городской одежды, урбанизированных форм жилища, иной, нетрадиционной пищи.

В большей степени эти вопросы рассмотрены в монографии «Этническое развитие народностей Севера в советский период». В ней авторам удалось показать, что в настоящее время носителями традиционного культурного наследия народов Севера — главного звена в культурно-экологических системах Севера — являются только труженики оленеводства и в меньшей степени охотники и рыболовы. А они сейчас составляют не более $\frac{1}{3}$ коренного населения. В монографии впервые обобщен и проанализирован материал по этническому развитию народов Севера в XX в., выделен как основной процесс межэтнической интеграции развившейся на основе создания общей для всех регионов Севера усредненной бытовой культуры в современных поселках и распространения русского языка как средства межнационального общения.

Монография не содержит специального анализа острых современных проблем. Но она отчетливо показывает, что в процессе культурной нивелировки северные этносы теряют свои основные этнические свойства — традиционную культуру (как материальную, так и духовную) и языки. Отмечено и резкое снижение темпов естественного прироста коренного населения вследствие сокращения рождаемости.

Социально-демографическим аспектам развития населения Севера посвящен специальный сборник «Региональные проблемы социально-демографического развития». Постановка проблемы здесь дана во вводной статье Б. Б. Прохорова «Экология человека и изучение региональных социально-демографических проблем». Автор считает, что демографические сдвиги — естественная реакция общности людей на изменение среды их обитания. Поэтому перспективным направлением в демоэкологии является изучение процессов жизнедеятельности людей на фоне конкретных условий окружающей среды, т. е. изучение их образа жизни. Эта категория позволяет комплексно рассмотреть основные сферы жизнедеятельности человеческих популяций — труд, быт, образование, культуру, семейно-брачные и общественные отношения.

Последующие статьи сборника раскрывают эти положения на конкретном материале. В статье А. И. Пики «Демографическая политика в районах проживания народов Севера: проблемы и перспективы» впервые в нашей литературе говорится об уникальности современной демографической ситуации у народов Севера. Она связана с началом у них «демографического перехода», т. е. поворота к модели демографического воспроизводства с невысокой рождаемостью и низкой смертностью, характерной для большинства населения промышленно развитых стран. В 1970-е годы темпы прироста численности народов севера СССР понизились почти в 5 раз по сравнению с предшествующим десятилетием, причем 7 из 26 народностей численно уменьшились (с. 44). Автор считает, что в случае сохранения этой тенденции уже в обозримом будущем возможна постепенная депопуляция, а затем и исчезновение (по-видимому, все же растрвоение.— Е. О.) народов Севера — 26 из более чем 100 народов СССР. Причины этого явления в том, что в последние 20 лет рождаемость у народов Севера устойчиво снижается за счет внутрисемейного регулирования числа детей, пониженной брачности и большого числа неполных семей. В то же время уровень смертности остается по-прежнему высоким. Такая ситуация потенциально может привести к прямой убыли населения.

Сравнительные данные по зарубежному Северу приведены в статье Д. Д. Богоявленского «Демографическая ситуация у народов зарубежного Севера». В ней описывается положение эскимосов США, Канады, Гренландии, саамов Швеции, Норвегии и Финляндии в 1970-х — начале 1980-х годов. В этих странах у аборигенов Севера снижение смертности началось раньше, чем снижение рождаемости, и показатель продолжительности жизни достиг 60 лет. В результате в 60-е, 70-е гг. наблюдались высокие темпы естественного прироста, численность народов заметно возросла.

В структуре смертности у коренного населения севера СССР в 1960—1970 годы также отмечаются серьезные изменения. Если прежде высокий общий уровень смертности держался в основном за счет различных эпидемических заболеваний и детской смертности, то после сселения в крупные поселки, массового перевода на оседлость и

увеличения внешней миграции каждый третий случай смерти коренных северян находится как бы вне контроля органов здравоохранения. Он обусловлен скорее социальными причинами — стрессом, отравлением алкоголем, несчастными случаями на производстве и в быту. Очевидно, что нужно не только совершенствование системы здравоохранения, но и меры социальной профилактики смертности и стимулирования рождаемости.

Рождаемость у народов Севера уже не может оставаться традиционно высокой, так как сами ее основания, коренившиеся в культурах и образе жизни народов Севера, подверглись значительной трансформации. Это показывает статья Л. П. Терентьевой «Факторы формирования и реализации репродуктивных установок народностей Севера». Приведенные материалы свидетельствуют, что на действующую ныне модель репродукции у северных народов оказывают влияние не столько традиционные репродуктивные установки, сколько условия жизни современных поселков, идущие вразрез со сложившимися в местных культурах ценностными ориентациями. Увеличению рождаемости будет в первую очередь способствовать улучшение социально-бытовых условий жизни коренного населения и государственная политика стимулирования рождаемости.

Надо отметить, что наиболее многодетными являются по-прежнему семьи людей, занятых в традиционных отраслях северного производства. По сути за счет их повышенного воспроизводства и прироста покрывается дефицит между рождаемостью и смертностью проживающих в поселках. В связи с этим следует еще раз вспомнить о статье В. И. Задорина «Социально-экономические проблемы оптимизации северного оленеводства» в сборнике «Проблемы современного социального развития народностей Севера». По мнению ее автора, состав оленеводческих и промысловых бригад на Севере выходит за рамки обычного производственного коллектива, он представляет собой целостный социально-демографический организм, обладающий соответствующей половозрастной структурой. И только в этом случае обеспечивается нормальный психологический климат, ослабевают последствия социальной изоляции, улучшаются социально-бытовые и производственные условия. Статистика показывает, что бригады, где женщины присутствуют в равном количестве с мужчинами, добиваются высокой производительности труда. Подобный подход способствует закреплению кадров в традиционных отраслях, позволяет приблизиться к естественным структурам размещения населения на пастбищных и промысловых территориях.

Современное строительство микрорайонов на пастбищных и промысловых угодьях поможет существенно улучшить быт северных тружеников, их медицинское и культурное обслуживание, а при создании там малокомплектных начальных школ — восстановить целостность семей. В перспективе в условиях хозрасчета такие пункты смогут перерасти в самостоятельные хозяйственно-административные единицы. Это приведет к укрупнению центральных усадеб хозяйств и в итоге значительно улучшит демографические показатели коренного населения Севера. Ведь сейчас на центральных усадьбах сосредоточено свыше 50% трудоспособного населения, практически не занятого общественно полезным трудом, но числящегося в штатах хозяйств и учреждений. Соответственно страдает и их материальное благосостояние, а это — один из факторов увеличения или снижения рождаемости и общей ориентации социального поведения.

Модель современных демографических процессов у малых северных этносов предлагается в статье И. И. Крупника «Демографическое развитие азиатских эскимосов в 1970-е годы (основные тенденции и этносоциальные условия)». Статья вскрывает весьма важный аспект проблемы: что же на деле стоит за медленным приростом численности северных народностей и каковы их реальные демографические и этнокультурные перспективы?

История азиатских эскимосов за последние десятилетия была сложной, но типичной для большинства обитателей Севера. В ходе хозяйственного строительства, политики концентрации и укрупнения производства традиционная система расселения оказалась нарушенной, прежние группы эскимосов перемешаны, а сами они стали меньшинством среди русского и чукотского населения в новых многонациональных поселках. Многим семьям пришлось по 3—4 раза менять место жительства и этнокультурное окружение.

В 1960—1970-е годы существенно трансформировалась традиционная брачно-репродуктивная модель эскимосов. Для нынешнего молодого поколения, прошедшего систему интернатов, массовыми стали неполные семьи, внебрачные рождения. В 1970-е годы в неполных и смешанных семьях рождалось 50—70% эскимосских детей. Едва ли они будут владеть родным языком и основными элементами национальной культуры, хотя и сохраняют, возможно, эскимосское самосознание.

Фактически лишь 20% эскимосских семей обеспечивали в 70-е годы полноценное этнокультурное воспроизводство этой небольшой общности. В сочетании с неизбежным уходом лиц старшего поколения, являвшихся основными носителями этнокультурных традиций, происходит постепенная деэтнизация азиатских эскимосов. Перспективы их этнокультурного развития неясны. В этой ситуации меры, направленные на снижение смертности и увеличение продолжительности жизни, обретают еще одну важную функцию: они способствуют сохранению механизма межпоколенной преемственности этнической культуры.

Можно сформулировать общий вывод. Народы Севера вступили сейчас в переломный момент своего исторического развития. Это сложный, многоплановый процесс. Начало демографического перехода, сопровождаемое отмеченными выше негативными тенденциями, ставит вопрос: быть или не быть в будущем этим народам и их культурам? Необходим целый комплекс мер по оптимизации сложившейся ситуации, и прежде всего по совершенствованию социальной инфраструктуры и системы хозяйствования. Тра-

диционные отрасли хозяйств народов Севера, в первую очередь кочевое оленеводство и охотничий промысел, по-прежнему выполняют важные социальные и этнические функции. Они обеспечивают занятость высокопроизводительным трудом значительной части коренного населения, поддерживают на высоком уровне национальное самосознание, преемственность национальной культуры, языка, природопользования. В то же время они являются одним из звеньев природно-экономической системы, обеспечивающей оптимальное использование ресурсов окружающей среды с помощью традиционного опыта народов Севера, который может быть преумножен современными средствами.

Однако без активного участия коренных жителей Севера в этом процессе любые меры будут недостаточны. Существующие формы автономии не способствуют повышению социальной активности народов Севера. Видимо, на современном этапе необходим пересмотр юридического статуса автономных округов, особенно в вопросах землепользования, а также разработка статуса национальных районов и национальных сельских советов там, где народы Севера не имеют своих автономий.

Такая постановка вопроса правомерна и в случае промышленного освоения Севера. Юридические права малых народов и их автономий слишком слабы, чтобы противостоять расширяющемуся наступлению на Север самых разнообразных министерств и ведомств, действующих лишь в своих интересах. Возможность блокирования промышленных проектов Советами народных депутатов местного населения могла бы серьезно сдерживать эту экспансию. Сейчас, как никогда, ясно, что сохранение живой природы и человеческих культур для последующих поколений — задача общегосударственного значения куда в большей степени, чем скоротечное изъятие ресурсов подземных недр, сопровождаемое к тому же разрушением экологических систем. Как известно, восстановление северных экологических систем может длиться сотни лет.

В опубликованных в 1987 г. работах есть разные мнения и по этим вопросам. Так, в монографии «Развитие отношения к труду у народов Севера при социализме» буквально говорится следующее: «Включение народностей Севера в систему государственного управления осложняется тем обстоятельством, что они до начала социалистических преобразований не сформировали своей собственной политической и юридической надстройки... В этих условиях взаимодействие народностей Севера с другими советскими народами может сопровождаться негативными явлениями. Например, братская помощь народов СССР, оказываемая в период социалистического строительства, может восприниматься как даровая производительная сила, пользование которой не обязывает к ответному возмещению. Так возникает почва для изживенческого отношения к труду соседних народов» (с. 80).

Думается, что такой упрек в адрес народов Севера несправедлив. Достаточно вспомнить, какую роль в экономическом становлении Страны Советов сыграло «белое золото» — северная пушнина. Вспомним и роль поставок северной оленины в годы перехода к интенсивному промышленному освоению региона. Да и сейчас организации, занимающиеся реализацией продукции хозяйств народов Севера, имеют прибыли, которые с лихвой перекрывают государственные дотации на покрытие убытков хозяйств-производителей. Этот факт авторы признают следующим «изящным» образом: «С другой стороны, изъятие для государственных нужд в рамках общественного разделения труда части продукта, угодий, дополнительного рабочего времени может восприниматься как насильственное отчуждение труда государством» (там же, с. 80).

Далее предлагается и способ решения проблемы. «...Противотвратить эти негативные явления можно лишь при условии включения всего коренного населения в повседневное управление государством, когда народностям действительно становятся доступны и подвластны общественные связи» (с. 80).

Данный тезис абсолютно справедлив, и с ним трудно не согласиться. В контексте его развития следует остановиться на книге «Рациональное природопользование на Командорских островах». По форме — это также сборник статей. Однако по важности и глубине анализа проблем, структуре изложения материала работу вполне можно назвать монографической. Это — плод коллективного труда многих ученых различных специальностей.

В сборнике дан анализ современного состояния уникальной экологической системы Командорских островов и их коренного населения — командорских алеутов. Отмечено, что при характерной для северных экологических систем ограниченности природных ресурсов современной экономике островов нельзя ориентировать на постоянное наращивание товарной продукции. В качестве одного из вредных факторов, способствующих нарушению культурно-экологического баланса, названа ненормальная трудовая и демографическая структура на Командорских островах, где на 300 алеутов приходится 1200 приезжих, занятых в 40 различных организациях.

Сборник издан по итогам работы совещания, проведенного в 1986 г. под эгидой биологического факультета МГУ и молодежного совета по охране природы. На совещании была одобрена и рекомендована для внедрения комплексная междисциплинарная программа «Командоры», в основу которой легли материалы десятилетнего цикла научных исследований. В ней сформулированы причины и последствия неблагоприятного состояния природоохранной и хозяйственной деятельности на Командорских островах, разработаны конкретные мероприятия по оптимизации экологических, экономических, социальных и этнокультурных процессов.

Основные задачи программы сформулированы следующим образом: создание высокоэффективного островного хозяйства на основе комплексного рационального использования местных природных ресурсов; обеспечение максимального воспроизводства используемых природных ресурсов, а также высокой и стабильной продуктивности экологических систем; обеспечение действенной и эффективной охраны островных экосистем,

растительного и животного мира, а также его отдельных видов; создание условий для всестороннего социально-культурного развития проживающего на островах населения, в том числе этнокультурного развития командорских алеутов; создание условий для максимально полного использования островных природных комплексов в научных целях.

В качестве организационной формы выдвинуто предложение о создании на Командорских островах национального парка, имеющего статус биосферного заповедника.

Думается, что этот путь решения северных проблем достаточно перспективен, так как позволит законодательными актами брать под охрану государства значительные территории Севера. Привлекает и возможность конкретной работы по охране природы и культурного наследия коренного населения в сочетании с эффективной хозяйственной деятельностью.

Как видно, к сегодняшнему дню сложились различные точки зрения относительно пути дальнейшего исторического развития народов Севера. Одни специалисты считают, что тотальное промышленное освоение региона неизбежно и, следовательно, там не останется места для традиционного хозяйства коренного населения. В этом случае наиболее правильным направлением социальной политики будет переориентация народов Севера в индустриальные сферы труда с сохранением их национальной культуры в виде народного искусства и творчества. Подобный ход мыслей в большей степени характерен для новосибирских ученых.

Есть и противоположная точка зрения. Попытки широкого включения коренного населения Севера в сферу промышленного труда предпринимались не раз, особенно в период строительства БАМа. Все эти попытки были неудачны. Основываясь на этом негативном опыте, многие специалисты Москвы и Ленинграда считают, что традиционные виды природопользования оптимальны для народов Севера. Это — не только ключ к рациональному хозяйственному освоению северных экологических систем, но и единственная возможность для самих народов Севера сохраниться как этнокультурным общностям, сберечь для потомков свое широкое культурное наследие, накопленное опытом многих поколений.

Ряд ученых высказывает мнение, что причиной сегодняшних негативных явлений стала неудовлетворительная работа административно-бюрократического аппарата, который чрезмерно велик и состоит преимущественно из приезжих, не понимающих специфики Севера. Поэтому для народов Севера нужно развивать такую управленческую систему, при которой будет реально соблюдаться принцип их национальной автономии и суверенитета. Тогда эти народы сами смогут решать свою судьбу и определять свой выбор.

С нашей точки зрения, правы все, но в каждом случае речь идет лишь о какой-либо одной из сторон единой генеральной проблемы. Попробуем поставить вопрос в другой плоскости. Насколько оправдана в государственном масштабе долгосрочных экономических и научно-технических перспектив сегодняшняя промышленная экспансия на Севере? Темпы ее возрастают из года в год, при этом скорость разрушения северных культурно-экологических систем растет в геометрической прогрессии. Может быть, именно сейчас следует тщательно взвесить, какие действующие предприятия и проекты с эколого-экономических культурно-исторических позиций государства оправданы, а какие было бы лучше закрыть? И наконец, что можно противопоставить ведомственной политике разнообразных организаций, курирующих фактическое разрушение природы и хищническое изъятие полезных ископаемых Севера?

На первые два вопроса ответа пока нет. Такие вопросы могут решаться с помощью специальной программы и ее всенародного обсуждения. На третий вопрос дает ответ упомянутая выше программа «Командоры», опубликованная в сборнике «Рациональное природопользование на Командорских островах». Широкая сеть биосферных и культурно-экологических заповедных территорий может составить реальную государственно-правовую альтернативу, противодействующую стихии промышленного освоения Севера.

От решения этих базисных вопросов в каждом конкретном регионе будут зависеть и формы социальной политики в отношении народов Севера.

Хочется обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Основная социализация младших поколений происходит в семье и школе. Здесь дети, подростки и юношество получают необходимую информацию и сумму знаний для дальнейшей жизненной ориентации. На современном Севере семья, как известно, у коренных северян существует практически номинально: дети растут в детских садах и интернатах, в отрыве от родителей и старших поколений. Работа национальных северных школ поставлена таким образом, что их учащиеся не получают реальной ориентации ни на промышленные, ни на традиционные сферы труда. Объем их жизненной информации ограничивается, как правило, рамками центральных усадеб северных хозяйств. Уровень общеобразовательной подготовки крайне низок, в основном из-за плохого материально-технического обеспечения самих школ. Поэтому единственный реальный жизненный путь, который открывается для большинства северной молодежи, — идти в поселковые разнорабочие.

Северная молодежь лишается, таким образом, равноправия (по сравнению с молодежью центральных районов страны) в исходных позициях при определении своего жизненного пути. Любые попытки оптимизировать социальные, этнокультурные, языковые и экономические процессы у народов Севера будут обречены на неудачу без кардинальной перестройки работы национальных северных школ и восстановления полноценной семьи у тружеников тайги и тундры.